

**СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОВ «ДОБРО» И «ЗЛО»
В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»
SPECIFICITY OF VERBALIZATION OF THE CONCEPTS OF «GOOD»
AND «EVIL» IN THE NOVEL BY M. A. BULGAKOV «THE MASTER
AND MARGARITA»**

Аннотация: В статье анализируются способы выражения понятий добра и зла в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» с лингвистической точки зрения. Рассматриваются слова и выражения, связанные с этими концептами, их значения и способы употребления в тексте. Особое внимание уделяется этимологическому происхождению слов «добро» и «зло», анализу этих слов с позиций когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: добро и зло; лингвистический анализ; концепты; лексика: контекст; этимология; художественный текст; когнитивная лингвистика.

Abstract: The article analyzes how the concepts of good and evil are expressed from a linguistic point of view in M.A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". Words and expressions associated with these concepts, their meanings and ways of using them in the text are considered. Particular attention is paid to the etymological origin of the words "good" and "evil", analysis from the side of cognitive linguistics.

Keywords: good and evil; linguistic analysis; concepts; vocabulary; context; etymology; fiction; cognitive linguistics.

В современной лингвистике художественный текст рассматривается как уникальный материал для исследования концептуальных структур сознания. Роман Булгакова «Мастер и Маргарита» представляет особый интерес для анализа вербализации концептов. Данное исследование фокусируется на когнитивно-лингвистических механизмах репрезентации концептов «добро» и «зло» в тексте произведения.

Этимологический анализ ключевых концептов раскрывает их глубинные культурные связи. Слово «добро» восходит к праславянскому *dobŕъ 'хороший, годный'. Интересно, что это понятие изначально имело практико-ориентированное значение, лишь со временем приобретя этическую нагрузку. В свою очередь, «зло» происходит от праславянского *zъlъ, сохранившего в современных славянских языках семантику вреда и порчи. Эти этимологические особенности находят отражение в булгаковском тексте, где добро часто ассоциируется с гармонией и соответствием, а зло – с разрушением и дисфункцией.

С когнитивной точки зрения исследуемые концепты представляют собой сложные ментальные структуры, организованные по принципу прототипов. В романе Булгакова концепт «добро» вербализуется через систему взаимосвязанных лексем, образующих его ядерную и периферийную зоны. Наиболее частотными оказались: *любовь, милосердие, прощение, свет*. Важно отметить, что эти лексемы не просто называют абстрактные понятия, но и участвуют в формировании когнитивных метафор, таких как добро – это свет («лунный свет истины») или добро – это дар («дарует покой»).

Концепт «зло» в романе имеет не менее сложную организацию. Его основные вербализаторы включают такие слова, как *тьма, ложь, смерть, ненависть*. Особенностью булгаковского текста является активное использование парадоксальных сочетаний, разрушающих традиционные бинарные оппозиции. Ярким примером служит оксюморон *милосердный дьявол* или синтаксический парадокс *казня, милует*, которые создают эффект когнитивного диссонанса и заставляют переосмыслить привычные этические категории.

Когнитивный анализ взаимодействия концептов в романе выявляет несколько важных закономерностей. Во-первых, Булгаков последовательно нарушает принцип двоичности, демонстрируя взаимопроникновение добра и зла. Это особенно заметно в эпиграфе из «Фауста»: «Я часть той силы, что вечно хочет зла, но вечно совершает благо...», в котором утверждается диалектическое единство противоположностей. Во-вторых, автор использует механизм концептуальной интеграции, создавая сложные ментальные пространства, в которых традиционные моральные оценки теряют свою однозначность.

Лингвокультурологический аспект исследования показывает, что булгаковская вербализация этических концептов опирается на несколько культурных традиций. Христианская парадигма (особенно евангельские мотивы) сочетается с религиозно-философскими представлениями о природе зла и элементами немецкой классической философии. При этом Булгаков не просто заимствует готовые модели, а творчески их перерабатывает, создавая оригинальную этическую систему.

Особого внимания заслуживает динамика вербализации концептов в разных сюжетных линиях. Ершалаимские главы акцентируют внимание на абстрактно-философских аспектах добра и зла, что проявляется в преобладании существительных с обобщающим значением. Московские же главы делают акцент на конкретных проявлениях моральных категорий, что выражается в частотном использовании глаголов действия и наречий образа действия.

С лингвистической точки зрения исследование вербализации концептов «добро» и «зло» позволяет выявить системные закономерности организации семантического поля моральных категорий в языке. Анализ частотности и сочетаемости ключевых лексем (таких как *любовь, милосердие, тьма, ложь*) показывает, как языковые единицы разного уровня участвуют в формировании сложной системы этических координат текста. Особую ценность представляет изучение механизмов концептуальной интеграции, когда традиционные бинарные оппозиции сознательно разрушаются через парадоксальные языковые сочетания (*милосердный дьявол; казня, милует*).

Для теории языка особый интерес представляет выявленная в исследовании динамика взаимодействия разных типов языковых единиц в процессе вербализации абстрактных концептов. Существительные с обобщающим значением (*добро, зло*) образуют концептуальное ядро, тогда как глаголы действия (*прощать, спасать*) и качественные прилагательные (*милосердный, коварный*) формируют периферийные зоны семантического поля. Такой подход может быть продуктивно применен для анализа вербализации других абстрактных концептов в различных типах дискурса.

Понимание закономерностей вербализации этических концептов необходимо при создании алгоритмов семантического анализа, способных выявлять и интерпретировать сложные системы ценностных координат в художественных текстах. Особенно перспективным представляется применение выявленных закономерностей.

Традиционные словарные дефиниции часто не отражают всей сложности вербализации таких концептов, как «добро» и «зло», в живом языковом употреблении. Анализ их функционирования в художественном тексте позволяет уточнить словарные статьи, дополнив их информацией о типичных контекстах употребления, сочетаемостных особенностях и когнитивных метафорах.

В области преподавания русского языка как иностранного исследование предлагает методически ценный материал для работы с художественным текстом на продвинутом уровне. Анализ вербализации абстрактных концептов помогает иностранным учащимся преодолевать трудности, связанные с пониманием культурно-специфических аспектов значения и употребления этической лексики.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в сопоставительном анализе разных редакций текста, а также в применении методов корпусной лингвистики для более точного определения частотности и сочетаемости ключевых лексем. Особый интерес представляет также изучение перевода этих концептов на другие языки, что может выявить дополнительные аспекты их культурной специфики.

Проведенное исследование позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, вербализация этических концептов в романе строится на сложной системе когнитивных метафор и парадоксальных языковых сочетаний. Во-вторых, булгаковская модель взаимодействия добра и зла демонстрирует принципиальный отказ от жестких двойных оппозиций в пользу диалектического единства. В-третьих, лингвистический анализ подтверждает глубокую культурную обусловленность авторской концепции, интегрирующей различные философско-религиозные традиции.

Библиографический список

1. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник-практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 496 с.
2. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ ; Восток-Запад, 2007. – 314 с.

3. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 1. – 624 с. ; Т. 2. – 560 с.